

Р 612

ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГЪ УРАЛЬЦЕВЪ

ДѢЛО ПОДЪ ИКАНОМЪ

4, 5 и 6 ДЕКАБРЯ 1864 ГОДА.

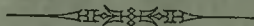

СОСТАВИЛЪ

МИХАИЛЪ ХОРОШХИНЪ.

III ИЗДАНИЕ

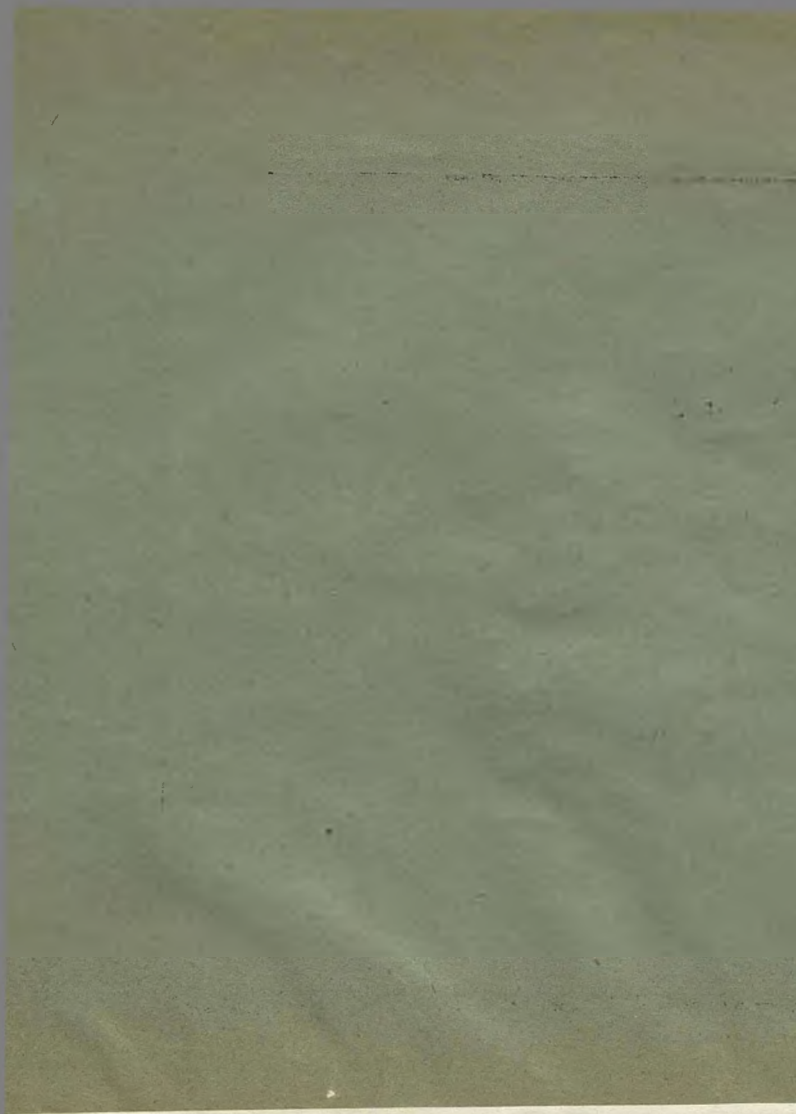
ДОПОЛНЕННОЕ.

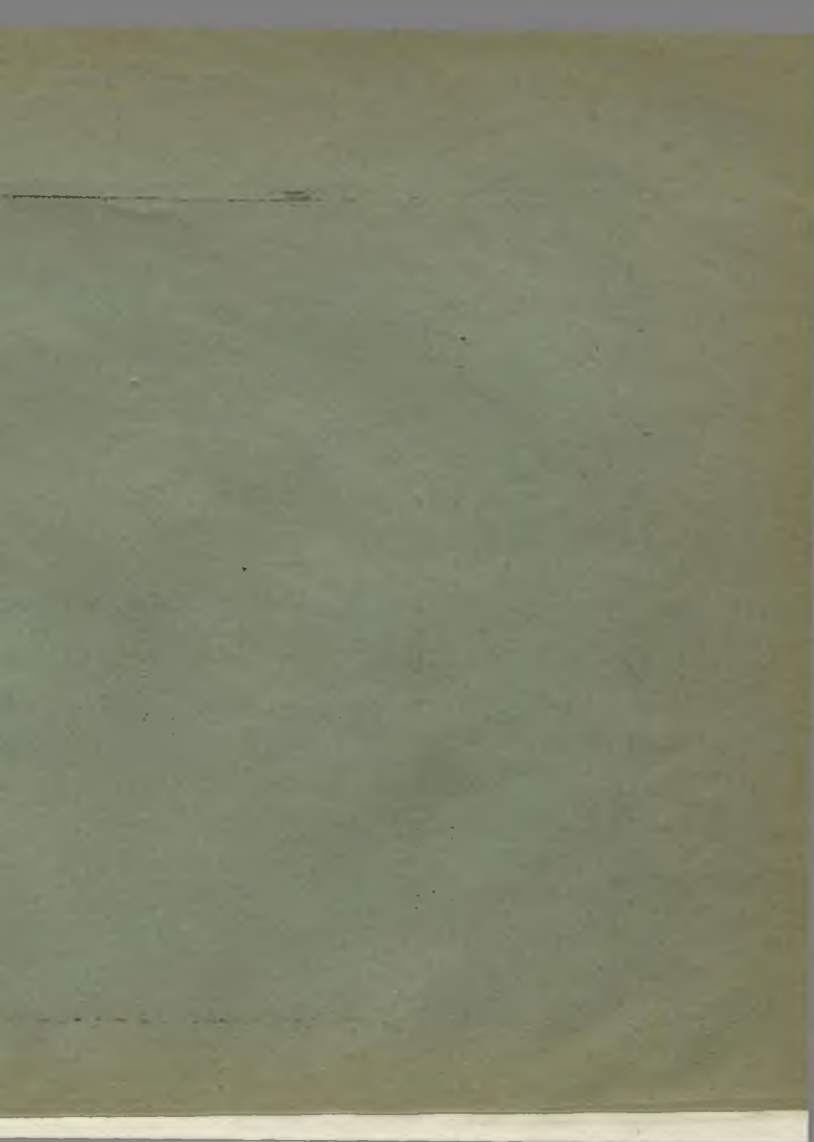

Г. УРАЛЬСКЪ.

ТИПОГРАФІЯ УРАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1895.

ГЕРОЙСКІЙ ПОДВИГЪ УРАЛЬЦЕВЪ

ДѢЛО ПОДЪ ИКАНОМЪ

4, 5 и 6 ДЕКАБРЯ 1864 ГОДА.

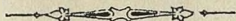

СОСТАВИЛЪ

МИХАИЛЪ ХОРОШХИНЪ.

III ИЗДАНІЕ

ДОПОЛНЕННОЕ.

Г. УРАЛЬСКЪ.

ТИПОГРАФІЯ УРАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Января 1895 года.

1500235812

*Доблестнымъ сынамъ Урала,
участникамъ блестящаго Иканскаго дѣла,
посвящаетъ свой рассказъ составитель.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ III изданію.

Приступая, по порученію автора, къ III изданію книжки, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Въ 1894 году исполнилось 30 лѣтъ со времени описаннаго въ ней подвига нашихъ казаковъ, а изъ уцѣлевшихъ отъ боя уральцевъ осталось въ живыхъ очень немного въ весьма престарѣлыхъ годахъ.

Независимо важности для нашего войска значенія подвига казаковъ подъ Иканомъ, напоминаніе о которомъ необходимо для подрастающаго поколѣнія, появленіе описанія боя въ III изданіи вызывается также осуществленіемъ завѣтной мысли Иканцевъ—сооруженія Иконы Святителя Николая Чудотворца, поставленной въ Николаевскомъ придѣлѣ стараго войскового Михайло-Архангельскаго собора въ Уральскѣ.

Въ этомъ изданіи представилась возможность помѣстить рисунки: памятника на полѣ битвы подъ Иканомъ, Иконы Святителя Николая и группы иканцевъ, принимавшихъ участіе въ празднованіи въ 1889 году въ г. Уральскѣ двадцатипятилѣтія боя подъ Иканомъ.

Кромѣ того текстъ книжки дополненъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подробностями, взятыми изъ напечатанныхъ, по поводу 25-лѣтія боя, замѣтокъ и статей, а также и изъ разсказовъ участниковъ боя, а въ пѣснѣ „Иканъ“ добавлены четыре строки, случайно пропущенныя во II изданіи, безъ которыхъ пѣсня не вполне рисуется картины трехдневнаго боя и геройскаго отступленія казаковъ.

И. Хорошинъ.

Лѣтомъ 1864 года небольшой отрядъ нашъ выступилъ съ бывшей Сыръ-Дарьинской линіи вверхъ по р. Сыръ-Дарьѣ и 12 іюня припудилъ коканцевъ сдать городъ Туркестанъ, имѣвшій среди населенія Средней Азіи значеніе по своимъ святынямъ. Потеря этого города и занятіе его „невѣрными“ для мусульманскаго населенія были тяжелы. Это былъ первый городъ, занятый нашими войсками въ Средней Азіи.

Нѣсколькими днями ранѣе взятія Туркестана, друдой отрядъ, со стороны Семирѣченскаго края, занялъ коканскую крѣпость Ауліеата. Затѣмъ изъ обоехъ отрядовъ былъ составленъ одинъ, который и направился къ укрѣпленному коканскому городу Чемкенту, взявъ который послѣ непродолжительной осады штурмомъ, отрядъ продолжалъ наступленіе къ Ташкенту. Однако, попытка 2-го октября взять этотъ многолюдный городъ, и къ тому-же занятый довольно значительными непріятельскими силами, была отбита и отрядъ отошелъ къ Чемкенту въ ожиданіи подкрѣпленій.

На усиленіе этого передового отряда изъ форта Перовскаго, главнаго укрѣпленія тогдашней Сыръ-Дарьин-

ской линіи, была послана Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. Казаки получили тогдашнія драгунскія наръзанныя ружья, заряжающіяся съ дула, со штыками. 1-го декабря Сѣровъ вступилъ въ городъ Туркестанъ.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ Туркестана не все было покойно. Ходили слухи, что непріятель, ободренный нашею неудачею подъ Ташкентомъ, собираетъ силы въ этомъ городѣ; въ окрестностяхъ Чимкента и даже ближе къ Туркестану стали бродить шайки, такъ что сообщенія между Туркестаномъ и Чимкентомъ были не безопасны; по дорогѣ выставлены были киргизы для перевозки почты.

Передавали, что тогдашній правитель коканскаго ханства, Алимкулъ, покинулъ Ташкентъ и отправился къ себѣ въ ханство съ собраннымъ войскомъ усмирять какое-то волненіе; народъ въ занятыхъ нами мѣстахъ относился къ намъ крайне недовѣрчиво и все чего-то ждалъ....

Скоро прошелся слухъ, что вблизи отъ Туркестана появилась шайка въ нѣскольکو сотъ человѣкъ; а такъ какъ въ Чимкентѣ снаряжался транспортъ, то рѣшено было проверить этотъ слухъ, разбить и истребить шайку и тогда уже отправлять впередъ транспортъ, которому до Чимкента предстояло пройти около 150 верстъ.

Но слухи эти не вполне передавали все, что дѣйствительно было. Какъ потомъ объяснилось, Алимкулъ, собравъ все, что можно было только собрать въ Ташкентѣ, рѣшился на весьма смѣлое предпріятіе: онъ задумалъ быстро пройти мимо Чемкента и внезапно напасть на Туркестанъ, укрѣпленія котораго были не вполне исправлены и жители котораго могли оказать ему содѣйствіе. Распустивъ слухъ, что онъ идетъ на югъ, къ себѣ въ Коканъ, Алимкулъ, на самомъ дѣлѣ, пошелъ на сѣверъ; передовыя шайки его ловко накрывали выставленные нами отдѣльные посты киргизъ—туземцевъ по дорогѣ изъ Чемкента въ Туркестанъ; намъ не отъ кого было получать извѣстія, да къ тому же степь, окружающая всѣ населенныя мѣста, широка.

Послѣ полудня, 4-го декабря, передовыя части Алимкула дошли до Икана, селенія, отстоящаго отъ Туркестана верстахъ въ 20-ти; въ ночь, вѣроятно, подтянулись и остальные и, быть можетъ, 5-го утромъ коканцы появились бы предъ городомъ, гдѣ ихъ никто не ожидалъ.

Но случилось иначе.

Для осмотра всей мѣстности и для истребленія шайки, силы которой опредѣляли отъ 100 до 400 человекъ, комендантъ Туркестана, 4-го декабря, послалъ сотню Сѣрова, въ которой было всего: 2 оберъ-офи-

цера, 5 урядниковъ, 98 казаконъ, кромѣ того къ сотнѣ придано 4 артиллериста, фельдшеръ, фурштатъ и три киргиза верблюдовозаженныхъ; при отрядѣ былъ горный единорогъ, казаки имѣли двойной комплектъ патроновъ (120); на единорогъ отпущено 42 заряда.

Выступивъ уже послѣ полудня, сотня, выславъ разѣзды, шла съ большими предосторожностями; оно и понятно: какъ бы въ подтвержденіе слуховъ, на пути встрѣтились киргизы изъ числа бывшихъ на постахъ между Туркестаномъ и Чемкентомъ и благополучно ушедшихъ отъ кокандцевъ—нѣкоторые изъ нихъ были ранены; изъ словъ ихъ было ясно, что за Иваномъ есть непріятель, но сколько—неизвѣстно. Есаулъ Сѣровъ донесъ коменданту о всемъ, что узналъ и, получивъ подтвержденіе прежняго приказанія, продолжалъ свое движеніе къ Икану.

Было около 4-хъ часовъ пополудни; стало уже темно, когда сотня подходила къ Икану, лежащему на высокомъ мѣстѣ. Мѣсто было ровное, покрытое кое-гдѣ саксауломъ, отъ Икана было видно на далекое разстояніе и движеніе сотни, конечно, давно замѣчено коканцами, а уральцы, подходя къ Икану, замѣтили огни около него. Сѣровъ остановился, послалъ всажа-киргиза впередъ узнать, что это за огни. Киргизъ Ахметъ сейчасъ же вернулся и сообщаетъ, что „непріятели

такъ же много, какъ каминъ въ озерѣ“. Завидѣвъ
огни вдали и получивъ подтвержденіе о значительныхъ
силахъ, осадилъ Обровъ отомель нѣсколько назадъ и
остановился у замѣченной рѣчкѣ небольшой канавкѣ;
казаки быстро спѣшились, развьючили верблюдовъ и
успѣли огрѣдѣть себя заваломъ изъ мѣшковъ съ про-
віантомъ и фуражемъ, обатонали коней и помѣстили
ихъ въ срединѣ круга, а сами залетѣли на мѣшкахъ.
Между тѣмъ козанды перешли въ наступленіе. Ихъ
козныя толпы двинулись отъ Икака прямо и нѣсколько
въ обходъ, первоначально тихо („тихимъ молчаніемъ“),
а затѣмъ, близко подойдя, и въ скачъ, съ криками.
Горсть уральцевъ дружно встрѣтила натискъ мѣткимъ
и частымъ ружейнымъ огнемъ и картечью единорога.

Ошеломленный неожиданнымъ отпоромъ, потерявшій
сразу много убитыми и ранеными, непріятель отхлы-
нулъ назадъ. Но вслѣдъ затѣмъ съ новою яростію, съ
криками „алла“, козанды ринулись на горсть храбре-
цовъ. Опять дружный огонь казакскъ и картечь еди-
норога охладилъ пылъ нападающихъ и заставили по-
вернуть назадъ. Нѣсколько разъ повторялся напоръ и
съ такимъ же неуспѣхомъ.

Вѣроятно козанды понесли потери довольно значи-
тельныя, потому что перестали нападать и, отойдя
недалеко, остановились на ночь, разведя костры. Ка-

закамъ все было видно; можно было и стрѣлять, но казави бережки ваядую пуню.

Хотя непріятель и не возобновлялъ нападеній, но положеніе отряда не улучшилось. Обѣ отступленіи ночью нечего было и думать, нужно было оставаться на мѣстѣ и ждать выручки изъ Туркестана; казаки продолжали укрѣпляться, ограждаясь мѣшками и тѣлами убитыхъ лошадей.

Между тѣмъ кокандцы открыли огонь изъ орудій и фалькошетовъ (небольшія пушки, мѣше горныхъ однороговъ); гранаты и ядра довольно близко дожились и били лошадей (такъ, первая же граната убила трехъ), но, къ счастью, не задѣвали людей. Обѣ отдыхъ, не тосора уже о сѣѣ, и думать было нечего; пользуясь темнотою, пѣшіе кокандцы старались подпазывать незамѣтно къ отряду, чтобы съ близкаго разстоянія броситься на казаковъ. Но и казаки народъ сытный: тонкій слухъ, острое зрѣніе—природныя качества казака, воспитаннаго среди безконечныхъ равнинъ—позволяли имъ нглядываться въ окружающую темноту, чутко прислушиваться ко всякому шороху, звуку и каждая попытка кокандцевъ останавливалась полною ихъ неудачею. Долго, безконечно долго, тянулась ночь среди орудійной и ружейной пальбы, среди напряженнаго вниманія; но духомъ никто не падалъ. Въ числѣ ка-

заковъ были люди и бывалые, многіе находились уже болѣе 15 лѣтъ на службѣ, сдѣлали не одинъ походъ, были подъ Севастополемъ, бились ранѣе и съ коканцами, имѣли и знаки отличія военнаго ордена. Благодаря спокойствію, распорядительности командира и офицера, ободренію старослуживыхъ, не унывали и новички, твердо разсчитывая на свое превосходство надъ противникомъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и золъ...

Къ сожалѣнію, послѣ 8-го выстрѣла, ночью колесо единорога сломалось; сняли колеса съ передка и кое-какъ ихъ приладили; однако, въ этомъ положеніи единорогъ принесть не много пользы—приходилось его на своихъ спинахъ перетаскивать съ мѣста на мѣсто.

Прошла наконецъ и долгая ночь. Наступившее утро доставило лишь одно облегченіе: видѣли, что дѣлается у противника, который не могъ уже напасть внезапно; но за то днемъ трудно было скрыть свою малочисленность и уберечься отъ коканскихъ пуль.

Стрѣльба продолжалась; однако, по внушенію начальниковъ и опытныхъ казаковъ, люди берегли каждую пулю; только сохранивъ патроны, казаки были увѣрены, что удержатъ противника на почтительномъ разстояніи. Стрѣляли по отдѣльнымъ смѣльчакамъ, которые иногда небольшими партіями подсакивали къ отряду сажень на 100 и не одинъ изъ нихъ попла-

тился за попытку похвастаться удалью и отвагою предъ своими товарищами; стрѣляли по орудійной прислугѣ, заставляя не разъ мѣнять мѣста орудій; стрѣляли также по начальникамъ, насколько ихъ можно было замѣтить по расшитымъ халатамъ, чалмамъ, богатымъ сѣдельнымъ уборамъ; напр., удалось подбить лошадь подъ самимъ Алимкуломъ. Огонь противника, особенно артиллерійскій (а пушекъ у нихъ было три), все болѣе и болѣе усиливался; изъ единорога же съ нашей стороны, какъ для сбереженія снарядовъ, такъ и по случаю порчи его—не стрѣляли. Такъ тянулся одинъ часъ за другимъ въ мучительномъ ожиданіи выручки. Между тѣмъ видно было, что толпы непріятеля потянулись на сѣверъ: это они пошли къ Туркестану. Въ отрядѣ стали оказываться убитые *) и раненые; многіе верблюды и кони были перебиты; трупы ихъ казаки перетаскивали подъ огнемъ.

Но вотъ движеніе среди непріятеля какъ бы усилилось... чу! издалека, отъ города, донесся отдаленный гулъ орудійнаго выстрѣла... Что это такое? Идетъ ли выручка, или же началась стрѣльба со стѣнъ Туркестана по подступившимъ коканцамъ? Разныя чувства

---

*) Первымъ былъ убитъ утромъ 5 Декабря казакъ Ирокофій Романовъ, Бородинской ст.

волновали храбрецовъ, заброшенныхъ судьбой среди непріятеля. Опять выстрѣлъ, и какъ будто слышнѣе, какъ будто громче—видно, свои идутъ на помощь... Казаки точно и не слышали звука своихъ и коканскихъ выстрѣловъ и съ жадностью ловили звуки оттуда, со стороны города. Но вотъ выстрѣлы ближе... ясно, что это идетъ выручка! Все ожило, встрепенулось, всякій чувствовалъ, что онъ не покинуть, что объ отрядѣ вспомнили и спѣшать избавить изъ бѣды... Чѣмъ громче доносился звукъ выстрѣловъ, тѣмъ все большими и большими надеждами оживали казаки. А между тѣмъ непріятель участилъ по казакамъ стрѣльбу и словно старался сорвать свою злобу; казалось, вѣрная добыча уходитъ изъ его рукъ...

Въ два часа пополудни выстрѣлы слышались уже близко. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ изъ-за пригорка покажутся знакомые штыки, посматривали въ ту сторону, не спуская однако глазъ и съ непріятеля. Но стрѣльба стала затихать, какъ будто даже и отдаляться; и затѣмъ затихла. Значить выручка не дошла.

Обманулись казаки! нѣтъ имъ помощи... они опять должны бороться и биться одними своими силами! Тяжело отозвалось все это на людяхъ, но духомъ они не упали; какъ прежде, прямо, смѣло взглянули въ лицо смерти и рѣшились дорого продать свою жизнь,

а живымъ въ руки на посрамленіе и поруганіе басурману не дасться. А кичливый Алимкулъ шлетъ записку: „куда теперь уйдешь отъ меня? писалъ онъ,—отрядъ, посланный изъ Азрета (такъ называется Туркестанъ у кокандцевъ) разбить и прогнать назадъ; изъ тысячи твоего отряда (видно, Алимкулъ одного казака считалъ за десятерыхъ; да какъ иначе и считать-то такихъ молодцовъ?) не останется ни одного. Сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу (какая насмѣшка!). Какой отвѣтъ могли дать наши казаки? Записку есаулу Офровъ оставилъ у себя, а послѣ отослалъ въ крѣпость и на мирныя предложенія уралцы отвѣтили мѣткимъ огнемъ... Опять начали бой: одни со злособою на неудачу, а другіе—съ твердою рѣшимостью пасть, но не сдаться.

Здѣсь я долженъ нѣсколько оторваться и рассказать о томъ, что дѣлалось въ Туркестанѣ.

Нѣсколько часовъ спустя по отправкѣ сотен, стало все болѣе и болѣе выясняться, что казаки могутъ натолкнуться на значительныя силы кохандцевъ. Послали съ привазаніемъ есаулу Офрову, чтобъ, случая встрѣчи съ значительными силами, онъ оставовился въ разрушенной крѣпости Тышанаятъ, выходящейся верстахъ въ 10 отъ Туркестана и наблюдалъ за движеніемъ

непріятеля. Но было уже поздно: посланный не до-
ѣхалъ, а часовъ въ 5 пополудни въ Туркестанѣ услы-
шали отдаленный гулъ орудійной стрѣльбы, какъ бы
исходившій съ одного мѣста и не умолкавшій всю
ночь, что указывало, что сотня стоитъ и отбивается.

Комендантъ былъ въ затрудненіи; у него оставалось
всего 2¹/₂ роты, нѣсколько орудій, да и вполне поло-
житься на жителей, лишь полгода назадъ покоренныхъ,
было трудно.

Въ 11 часовъ утра слѣдующаго дня, т. е. 5 де-
кабря, изъ города выступилъ отрядъ изъ 152 чело-
вѣкъ пѣхоты, 8 казаковъ, съ 2-мя легкими орудіями.
Начальнику его приказано было помочь сотнѣ „съ тѣмъ,
что ежели отрядъ этотъ встрѣтитъ огромныя силы не-
пріятеля и усиленную преграду для соединенія съ сот-
ней и увидитъ движеніе непріятеля къ Туркестану,
то, не выручая сотни, слѣдовать ему обратно“ *).

Отойдя версты четыре, отрядъ сталъ замѣчать кон-
ныя партіи, а еще далѣе—показались и огромныя
толпы наступавшихъ кокандцевъ. Завязалась перестрѣл-
ка, которую и слышали казаки сотни Сѣрова. Кокан-
цы, обходя и окружая посланный отрядъ, потянулись
къ городу, въ виду котораго, часамъ къ 3-мъ, они

---

*) Изъ донесенія коменданта г. Туркестана 9 декабря 1864 г.

и появились. Отрядъ между тѣмъ подвигался впередъ, прошелъ крѣпость Тышанакъ и шелъ на выручку храброй сотни Сѣрова, до которой оставалось какихъ нибуть версты 3 или 4. Непріятель ожесточенно напиралъ, окружая со всѣхъ сторонъ наступающій отрядъ; новыя подкрѣпленія его подходили, чтобы загородить дорогу къ изнемогающимъ казакамъ.

Въ силу данного приказанія, встрѣтись съ массами коканцевъ, начальникъ отряда началъ отходить назадъ, преслѣдуемый торжествовавшимъ неприятеlemъ почти до города, куда отрядъ вернулся уже вечеромъ въ 6 часовъ. Ударили тревогу въ городѣ, аксакалы (старшины) просили помощи; въ отдаленныхъ садахъ появился неприятедь, и трубные звуки его слышались даже въ цитадели, куда снесены были семейства всѣхъ; на стѣнахъ города всю ночь стояли дежурныя части; а тамъ, гдѣ-то вдали, въ сторонѣ Ивана все еще не прерывался гулъ выстрѣловъ, слышимый со стѣнъ Туркестана. Каждый, слушая этотъ гулъ, понималъ въ чемъ дѣло: сердце болѣзненно ныло и разрывалось... всякій сознавалъ, что и для героевъ есть предѣлъ и какъ уральцамъ трудно...

Но вернемся къ сотнѣ.

Получивъ отказъ сдаться, Алимкулъ рѣшился сло-

нить упорство казаковъ. Изъ сотни замѣтили какое-то движеніе у непріятеля: подвозили на арбахъ и телѣгахъ камни и хворостъ... Казаки стали догадываться, что кожанецъ задумываетъ „идти подкатомъ“, прикрываясь арбами...

Но скоро наступившая темнота, закрывъ непріятельскій станъ, снова заставила казаковъ напряженно вглядываться въ сторону непріятеля, который, будучи ободренъ успѣхомъ, могъ броситься на штурмъ и задавить своимъ многочисленнымъ горсть стойкихъ молодцовъ. Невеселыя думы передумывали уральцы, сидя за своими завалами и зорко слѣдя за непріятелемъ, обложившимъ ихъ со всѣхъ сторонъ... Казаки уже два дня не ѣли и не пили, а объ отдыхѣ, а тѣмъ болѣе о снѣ и думать было нечего, да и патроны приходили къ концу...

Есаулъ Сѣровъ рѣшилъ послать вѣсти о себѣ въ городъ, не зная, что тамъ дѣлается. Казаки Андрей Борисовъ, Павелъ Мизиновъ и Варсоломей Коноваловъ вызвались на это трудное дѣло. Мизинovu, какъ слабому здоровью, отказали. Двое остальныхъ, съ киргизомъ Ахметомъ, живо снарядились: надѣли поперхъ своихъ полубубровъ ружья, офицеры дали имъ револьверы и, провожаемые благими пожеланіями, они тронулись верхами и пропали въ темнотѣ. Но, наткнув-

ишсь на коканскій пикетъ и давъ по нему выстрѣлъ, казаки скоро вернулись въ сотню. Это ихъ однако не охладило: опять Борисовъ *) и Ахметъ, съ новымъ спутникомъ, казакомъ Акимомъ Черновымъ пустились въ другую сторону и на этотъ разъ удачно пробрались среди рыскавшихъ партій коканцевъ. Отойдя на нѣкоторое разстояніе, коканцы расположились преимущественно къ югу отъ сотни; кругомъ были разставлены посты, ходили разъѣзды, огни горѣли всюду и это помогло нашимъ смѣльчакамъ тихо пробраться между группами непріятеля, не предполагавшаго такой смѣлости; труднѣе было идти дальше къ Туркестану, около котораго бродило много шакъ,—но Богъ помогъ казакамъ и въ 9 часовъ вечера, словно выходяцы съ того свѣта, появились они подъ стѣнами Туркестана и подали вѣсти объ отрядѣ.

Между тѣмъ къ утру 6-го числа коканцы отошли отъ города къ Икану, а въ часъ дня послана была вторично выручка: 207 человекъ пѣхоты, 10 казаковъ съ двумя орудіями.

---

*) Бравый казакъ, 11 лѣтъ предъ тѣмъ познакомившійся съ коканцами при отбитіи ихъ лагеря подъ Акъ-Мечетью (что нынѣ фортъ Перовскій), за что и награжденъ знакомъ отличія военнаго орлена; былъ въ Крыму; вызывался пробраться однимъ пѣшкомъ; но есауль Стровъ рѣшилъ отправить его для скорости верхомъ.

Отправивъ вторично посланныхъ, казаки продолжали свое дѣло; надежда никого не покидала, хотя положеніе становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Томила и неизвѣстность исхода смѣлой попытки дать о себѣ вѣсть въ крѣпость. Прошелъ часъ, другой послѣ отправки казаковъ; нѣтъ никакихъ признаковъ, что посланные попались,—значить, черезъ первую линію прошли, но удастся ли пробраться въ Туркестанъ—вотъ вопросъ, волновавшій всѣхъ, ибо каждый сознавалъ, что только помощь извнѣ можетъ ихъ спасти...

Стало свѣтать; вдаль началъ обрисовываться лагерь противника; а вмѣстѣ съ тѣмъ казаки замѣтили арбы съ надѣланными на нихъ щитами изъ хвороста и камыша. Огромныя связки хвороста въ видѣ большихъ валовъ, чтобы удобнѣе ихъ накатывать, были заготовлены въ разныхъ мѣстахъ. Вчерашняя догадка оправдывалась: дѣйствительно, „подкатомъ“ задумали идти коканцы,—у нихъ насчитывалось до 16 подвижныхъ щитовъ и арбъ.

Положеніе отряда становилось очень труднымъ; халатъ не спасалъ коканца отъ казачьей пули, а за арбою и за щитомъ было безопасно...

Однако казаки не теряли надежды на выручку и потому есаулъ Сѣровъ рѣшилъ вступить въ переговоры и тѣмъ оттянуть начало новаго, отчаяннаго и, быть

можетъ, послѣдняго боя.

Предупредивъ казаковъ о своемъ намѣреніи, командиръ сотни вышелъ впередъ и махнулъ непріятелю рукой, показывая этимъ, что хочетъ вступить въ переговоры. Вышелъ коканецъ съ оружіемъ въ рукахъ, которое по настоянію онъ положилъ. Завязались переговоры: есаулъ Сѣровъ требовалъ вызова Алимкула, чтобы переговаривать съ нимъ; коканецъ предлагалъ самому идти къ нему, говоря, что онъ властитель; предлагались самыя выгодныя условія для сдачи, обѣщалась награда... Между тѣмъ казаки замѣтили, что коканцы стали надвигать щиты, а подъ Сѣрова со стороны подкрадывались трое коканцевъ. „Ваше Благородіе, уходите скорѣе! сейчасъ стрѣлять будемъ!“ кричали казаки и открыли огонь. Цѣль переговоровъ была отчасти достигнута: прошло около двухъ часовъ времени, а со стороны крѣпости ничего не слышно и не видно...

Съ 7-ми часовъ утра вновь закипѣлъ бой, на этотъ разъ отчаянный. Ожесточенный непріятель стрѣлялъ часто и мѣтко, постепенно подходя къ казакамъ съ трехъ сторонъ. Становилось жутко, сознавалась необходимость поддержки въ трудномъ бою, а поддержки все нѣтъ! Отрядъ, сохранившійся почти безъ потерь (было нѣсколько раненыхъ), сразу почувствовалъ свое незавидное положеніе.

Къ часу дня всѣ лошади были перебиты, 37 человекъ убито, много переранено; четыре отчаянныхъ попытки коканцевъ броситься въ рукопашную были отбиты, а помощи все нѣтъ, хотя, если-бы она вышла утромъ, дошла бы до сотни...

И вотъ, не видя никакой поддержки и не находя силъ сдержать своимъ огнемъ все ближе и ближе подходящаго противника, храбрецы рѣшаются на отчаянную попытку: пробиться къ городу, или же пасть въ открытомъ бою—они все еще надѣялись на помощь. Кромѣ того, нельзя было медлить—зимній день коротокъ, а до города было верстъ 16-ть; пройти ихъ надо было за-свѣтло, пока видно и пока можно сдерживать напоръ коканцевъ ружейнымъ огнемъ.

Коканцы были просто ошеломлены, когда горсть героевъ, заклепавъ орудіе, переломавъ ненужныя ружья, съ криками „ура“ выскочила изъ-за своихъ заваловъ; но они скоро увидѣли, что вмѣсто сотенъ людей, которыхъ они насчитывали у русскихъ, на самомъ дѣлѣ оказались лишь десятки.... И съ дикими криками ринулся противникъ за кучкой храбрецовъ. Сначала отступали тѣсной толпой, но потомъ увидѣли, что такъ неудобно, другъ другу мѣшали стрѣлять и обороняться. Тогда самъ собою образовался строй въ видѣ лавы, но въ три шеренги. Чѣмъ далѣе шли, тѣмъ

болѣ строй этотъ рѣдѣлъ и растягивался въ длину.

Однако своимъ мѣткимъ огнемъ казаки сдерживали массу коканцевъ въ значительной дали. Тогда непріятельскіе всадники, сажая на крупы лошадей сарбазовъ (иѣшіе стрѣлки), заскакивали впередъ, ссаживали ихъ и послѣдніе со всѣхъ сторонъ начинали разстрѣливать отступающихъ уральцевъ.

Одиночные непріятельскіе латники и кольчужники врывались иногда въ самую средину казаковъ, за что нѣкоторые и платились головой; но другіе, благодаря своимъ доспѣхамъ, ускокивали, успѣвъ поранить нѣсколько казаковъ. Менѣе рѣшительные метали въ казаковъ пики и копья, нанося такимъ способомъ случайный вредъ отступавшимъ. Такъ, когда казакъ П. Мизиновъ наклонился, чтобы поднять упавшій шомполъ, брошенная пика насквозь пробила ему лѣвое плечо, пригвоздивъ его къ землѣ; однако онъ всетаки вскочилъ и добѣжалъ съ нею до товарищей, которые и выдернули пикку у него изъ плеча.

И вотъ, когда кто-либо изъ этихъ героевъ, утомленныхъ предыдущимъ боемъ, истекая кровью и лишаясь послѣднихъ силъ, падалъ на землю, какъ хищные звѣри, съ неистовыми криками отдѣлялись изъ толпы конные всадники и бросались на свою безпомощную жертву—вѣдь, съ нею легко уже было спра-

виться... всякій спѣшить отрѣзать голову, чтобы скорѣе представить начальству, какъ доказательство своей храбрости и удалства, достойныхъ награды. И казаки награждали коканцевъ за ихъ усердіе: не одинъ изъ такихъ „героевъ“ рядомъ съ своимъ трофеемъ слагалъ и свою голову, пораженный мѣткимъ выстрѣломъ уральца, хотя и ослабѣвшаго, но все еще страшнаго противнику. Потомъ, уже вѣ выстрѣловъ казачьихъ, коканцы свободно насмѣхались и надругались надъ обезглавленными трупами.

Всякій пойметъ, какое тяжелое чувство испытывалъ каждый, видя поруганіе надъ своими братьями и товарищами и сознавая, что вотъ-вотъ и онъ будетъ брошенъ, покинутъ, такъ какъ нести своихъ раненыхъ не было никакой возможности.

Всякій шелъ, пока были силы. Казакъ сознавалъ, что разъ онъ отдѣлился отъ своихъ—неминуемая смерть ждала его сейчасъ же, въ глазахъ товарищей, сердце которыхъ болѣзненно сжималось при видѣ поруганія надъ беззащитными ранеными.

Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось отступающимъ, когда тотъ или другой, выбившись изъ силъ, истекая кровью, или подбитый въ ноги, падалъ въ изнеможеніи.... „Прощай, товарищъ!“ и всякій крѣпче сжималъ

винтовку, чтобы послать пулю коканцу, насккивающему на упавшаго казака.

Такъ продолжалось отступленіе. Прошелъ часть, прошелъ и другой. Войсковъ становилось все меньше и меньше; чѣмъ далѣе, тѣмъ число раненныхъ становилось больше; многіе получили по двѣ, по три раны, многихъ вели подъ руки, другіе же придерживались за товарищей. Про голодъ и жажду, про усталость отъ бессонныхъ ночей—забыли; была одна только забота—идти впередъ и дороже, какъ можно дороже, продать свою жизнь. Движеніе все болѣе и болѣе замедлялось,—нельзя было двигаться скорѣе, многіе еле передвигали ноги; отступая три часа, казаки отошли всего 8 верстъ.

Съ каждою минутою положеніе становилось все труднѣе; впереди еще нужно было пройти болѣе 8 верстъ, а короткій земній день шель къ концу. Всѣ были измучены, всѣ были въ ерови, всякій видѣлъ, какаа участь ждетъ его, если шальная пуля поранить хотя бы и въ ногу. Падалъ казакъ, его товарищи, напрягая силы, ломали ружье, чтобы и оно не досталось врагу. Кровавый слѣдъ, поломанныя ружья, да трубы—обозначали путь уральцевъ.

Одною изъ жертвъ былъ сотникъ Абрамичевъ; первая пуля пошла въ високъ,—онъ шель подъ руку;

вторая пуля ударила въ бокъ, — онъ продолжалъ идти, пока пули разомъ не хватили въ обѣ ноги, и онъ упалъ. „Рубите скорѣе голову, не могу идти“, были его послѣднія слова. Погубило его то, что онъ не хотѣлъ снять офицерское пальто и папаху, обращавшіе на себя вниманіе коканцевъ. Когда онъ упалъ совсѣмъ, сраженный послѣдними пулями, то проводившіе мимо него Сѣровъ и казаки простились съ нимъ, какъ съ мертвымъ, — говоря: „прости насъ, Христа ради“. Упалъ Абрамичевъ напередъ; сначала оперся было руками, а потомъ, въ безсиліи, упалъ головой прямо на землю. „Не отошли мы, рассказывалъ иканецъ, и 15 шаговъ, какъ коканцы тучей насѣли на сотника Абрамичева и дорѣзали его, уже мертвого, у насъ на глазахъ“. Черезъ двѣ минуты въ его офицерскомъ пальто скакалъ какой то коканецъ. Послѣ, собирая растерзанные трупы, едва узнали его, да и то по окровавленному клочку кармана.

Начинало уже темнѣть, было около 4 часовъ пополудни; всякій напрягалъ послѣднія силы и шелъ... Но вотъ послышалась ружейная стрѣльба; скоро толпы коканцевъ со стороны города отхлынули прочь въ разныя стороны и на пригоркѣ, въ полуверстѣ, показались бѣгущіе на встрѣчу солдаты.

Кто можетъ выразить радость казаковъ?!... Тяжелая

ноша свалилась съ каждого—все крестились, обни-
лись и цѣловались.

Начали считать оставшихся: изъ двухъ офицеровъ—
одинъ убитъ, другой—командиръ сотни—раненъ въ
верхнюю часть груди и контуженъ въ голову; пальто
было прострѣлено въ 8 мѣстахъ; изъ 5 урядниковъ—
4 убито, а 1 раненъ; изъ 98 казаковъ—50 убито,
36 ранено, 4 артиллерииста ранены, фельдшеръ, фур-
титатъ и ножакъ изъ киргизъ—убиты; нѣкоторые имѣли
по 5 и 6 ранъ. Очевидно, что помощь подошла
во время: казаки такъ ослабѣли, что не могли уже
идти и ихъ повезли на высланныхъ подводахъ; въ
крѣпость доставили уже въ 7 часовъ вечера и слали
въ лазаретъ, откуда, однако не все вышли здоровы-
ми—многихъ похоронили вскорѣ.

„ Не нахожу словъ, донести въ своемъ рапортѣ
8 Декабря 1864 г. есауль Сѣровъ коменданту гор.
Туркестана, чтобы исполнѣ передать все молодецкіе
„ подвиги своихъ лихихъ удалцевъ—товарищей и
„ вѣрныхъ слугъ Государя. Не было ни одного, ксте-
„ рый чѣмъ-либо не заявилъ себя. Эта горсть храб-
„ рыхъ защитниковъ, во время отступленія между ты-
„ сячей непріятеля, не смотря на сильный холодъ, вся
„ измученная и израненная, побросала съ себя послѣд-
„ нюю одежду и шла въ однихъ рубашкахъ, съ ружь-

„емъ въ рукахъ, обливая кровью путь свой“.

Такъ окончился Иканскій бой. Непріятель на другой день удалился; а на 4-й день въсланъ отрядъ, чтобы собрать труны павшихъ геровъ: всѣ они были безъ головъ, изуродованные.

10-го числа вырыли общую могилу, накрыли холстомъ, отслужили панихиду и насыпали надъ могилою холмъ.

Государь Императоръ щедро наградилъ участниковъ боя: есаулъ Сѣровъ получилъ чинъ, орденъ св. Георгія 4-й степени, урядникъ Александръ Желѣзновъ произведенъ въ хорунжіе, казаку Павлу Мизинову возвращенъ чинъ сотника и всѣ вообще, оставшіеся въ живыхъ, получили Знаки Отличія Военнаго Ордена.

Смѣлая попытка правителя тогдашняго коканскаго ханства Алимкула—быстрымъ движеніемъ изъ Ташкента, мимо Чемкента, подойти прямо къ Туркестану, предъ которымъ онъ могъ появиться утромъ 5-го декабря, и гдѣ уже были его сообщники,—не увѣнчалась успѣхомъ. Коканскія полчища, въ которыхъ было около 10 тысячъ, наткнулись неожиданно на сотню уральцевъ, обнаружили себя, потеряли время, дали подготовиться гарнизону Туркестана и ушли, понеся огромныя потери; а бывшіе въ войскахъ Алимкула

разнесли всюду вѣсти о стойкости и храбрости „не-
вѣрныхъ“, гореть которыхъ съумѣла отстоять себя
даже въ открытомъ полѣ... какъ же можно было послѣ
того рѣшиться на штурмъ крѣпости, если и съ сотней
не справились?

Когда оставшіеся въ живыхъ казаки возвращались
на родину, то въ Оренбургѣ Командующій войсками
округа генералъ-адъютантъ Крыжановскій устроилъ имъ
обѣдъ въ залѣ собранія, при чемъ казакамъ прислу-
живали нижніе чины гарнизона.

Въ 1865 году въ числѣ казаковъ, отправленныхъ
съ рыбою и икрою къ Высочайшему Двору, было трое
изъ иканцевъ: урядники Борисовъ и Черновъ и ка-
закъ Агафоновъ. Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачь-
ихъ войскъ пожелалъ видѣть ихъ, спрашивалъ про
дѣло; оставшись доволенъ отвѣтами, Государь Наслѣд-
никъ Цесаревичъ назвалъ ихъ молодцами и изъявилъ
желаніе, чтобы они были представлены Государю Импе-
ратору. Вслѣдствіе желанія Его Высочества, прибывшій
съ командою есаулъ С. С. Хорошхинъ и трое ниж-
нихъ чиновъ были представлены Государю импера-
тору Военнымъ Министромъ въ Зимнемъ дворцѣ въ
присутствіи Государя Наслѣдника, а также и Вели-
каго Князя Владиміра Александровича. Его Величе-
ство, поздравившись съ уральцами, изволилъ мило-

1864.

4, 5 и 6 ДЕКАБРЯ

1889.

Ценз. доз.

ПАМЯТНИКЪ.

ПОСТАВЛЕННЫЙ НА ГРАДСКОЙ МОНЕТЪ НА ПОЛЕ БИТВЫ ПОДЪ ИКАНОМЪ.

стиво спросить, знаютъ-ли они, что доставшееся неприятелю въ дѣлѣ подѣ Иканомъ орудіе, взято въ послѣдствіи обратно, въ числѣ прочихъ, въ г. Ташкентѣ? Послѣ утвердительнаго отвѣта, Его Величество изволилъ милостиво обращаться къ уральцамъ и съ другими вопросами и соизволилъ пожаловать урядникамъ Борисову—серебряный темлякъ, Чернову—серебряную медаль для ношенія на шеѣ на Георгіевской лентѣ, казака Агафонова произвелъ въ урядники и всѣхъ троихъ перевелъ въ Уральскій гвардейскій дивизіонъ (нынѣ сотня).

Почти двадцать лѣтъ спустя иканскій бой вспомнился снова: въ 1884 году лѣтомъ поставленъ былъ памятникъ на полѣ битвы; постройка выполнена бывшимъ туркестанскимъ воинскимъ начальникомъ подполковникомъ Головинымъ на добровольныя пожертвованія.

Памятникъ сооруженъ изъ кирпича, въ видѣ четырехсторонней колонны, высотой около 5 1/2 аршинъ; сверху памятника въ колоннѣ широкій крестъ, выше котораго на самой вершинѣ памятника водруженъ изящной работы чугунный крестъ, а внизу чугунная доска съ надписью: „памяти воиновъ, павшихъ подѣ Иканомъ въ 1864 году“. Въ 1885 году памятникъ окруженъ въ видѣ ограды 8 орудіями, связанными артиллерійскими тормазными цѣпями; вокругъ этой

ограды разбить огородъ, вырыто два колодца, устроено два водоема и построенъ домикъ для сторожа. Но еще важнѣе для уральцевъ была Царская милость: 1) Въ Высочайшей грамотѣ, данной на Георгіевское знамя, пожалованное Уральскому войску 6-го мая 1884 г., между прочимъ значится: „....при завоеваніи же Туркестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло непрерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ бояхъ, въ особенности же въ 1864 г. въ дѣлѣ противъ коканцевъ подъ Иканомъ, подвигами отваги и мужества“. 2) Въ приказѣ по Военному Вѣдомству 7 октября 1884 г. объявлено: „Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ подвигамъ мужества и храбрости, оказаннымъ находившеюся въ 1864 году, въ составѣ гарнизона города Туркестана, уральскою казачьею сотнею въ дѣлѣ противъ коканцевъ 4, 5 и 6 декабря 1864 г. подъ Иканомъ и для увѣковѣченія этого блестящаго дѣла въ памяти уральскихъ казаковъ, Государь Императоръ Всемиловѣйше жалуетъ 4-й сотнѣ Уральского казачьяго № 2 полка знаки отличія на головные уборы съ надписью: „за дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года““.

Кромѣ того память о боѣ подъ Иканомъ увѣковѣ-

чена слѣдующими памятниками: 1) въ православной церкви г. Туркестана помѣщена чугунная плита съ именами и фамиліями казаковъ, павшихъ подъ Иканомъ; 2) на старомъ кладбищѣ г. Туркестана въ общей, братской, могилѣ похоронены убитые подъ Иканомъ и могила эта обнесена кирпичною оградой на которой находится желѣзная доска съ соотвѣтствующей надписью, а внутри находится 3 креста, поставленные казаками проходившихъ ашановъ; 3) по распоряженію Пресвященнаго Месфята, Епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго ежегодно, 6-го декабря, совершается въ церкви г. Туркестана торжественная панихида по убитымъ; 4) Уральское войсковое общество, желая почтить память подвѣта, оказаннаго уральцами въ дѣлѣ подъ Иканомъ въ 1864 году положило образовать въ Уральской войсковой мужской гимназій, вынѣ войсковомъ реальномъ училищѣ, стипендію въ память подвѣта уральцевъ подъ Иканомъ въ 1864 г., на проценты съ которой по Высочайше утвержденному 7 декабря 1874 года положенію о ней содержатся стипендіаты: дѣти, или близкіе родственники канцевъ, по выбору Назаннаго Атамаана; деньги на эту стипендію собираются въ средѣ войсвого сословія; 5) одна изъ войсковыхъ народныхъ школъ (въ Коконуртеномъ поселкѣ Бударинской станицы) названа Иканскою.

такъ какъ открытіе ея совпало съ чествованіемъ 25-лѣтія иканскаго дѣла въ 1889 году; 6) одна изъ площадей г. Уральска и разведенный на ней паркъ носятъ названія „Иканская площадь“ и „Иканскій бульварь“. Наконецъ осуществилась мысль, поданная въ 1889 году, о сооруженіи Иконы Святителя Николая Чудотворца Мурликійскаго, подъ покровомъ котораго казаки отступали 6 декабря 1864 года. Икона эта, написанная въ Византійскомъ стилѣ академикомъ Васильевымъ, помѣщена въ дубовый кіотъ, по виду своему напоминающій памятникъ на полѣ битвы и имѣющій на верху высеребренный крестъ, въ срединѣ котораго вычеканенъ образъ Архистратига Михаила; подъ крестомъ находится бронзовая крестообразная доска съ вырѣзаннымъ на ней текстомъ изъ Евангелія Іоанна: „больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя“; ниже этой доски помѣщена икона Святителя Николая, передъ которой виситъ серебряная вызолоченная лампада; еще ниже послѣдовательно помѣщены небольшая бронзовая дощечка съ надписью на какія средства сооружена икона, затѣмъ высеребренный знакъ на головной уборъ, въ значительно увеличенномъ размѣрѣ, Всемиловѣйше пожалованный 4-й сотнѣ № 2 полка съ надписью: „За дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 г.“,

а подъ нимъ увеличеннаго размѣра высеребранный знакъ отличія Военнаго Ордена на Георгіевской лентѣ, отъ котораго въ горизонтальномъ направленіи идутъ металлическія вѣтви пальмовая и лавровая; затѣмъ на поколѣ помѣщена бронзовая доска, на которой вырѣзаны имена и фамилія всѣхъ чиновъ сотни, съ раздѣленіемъ на группы: остались въ живыхъ, убиты, умерли отъ ранъ. Кіотъ дубовый, раздѣленный подъ кирпичъ, безъ окраски, высотой до $5\frac{1}{2}$ аршинъ; помѣщенъ въ старѣйшемъ храмѣ войска Войсковомъ Соборѣ во имя Михаила Архангела, въ боковомъ придѣлѣ Свят. Николая Чудотворца. Освященіе Иконы было произведено въ торжественное Богослуженіе Преосвященнаго Макарія, Епископа Оренбургскаго и Уральскаго въ маѣ 1893 года, сказавшаго при этомъ глубокопрочувствованное слово, въ которомъ, напомнивъ о самомъ дѣлѣ 4—6 декабря 1864 г. Преосвященный Макарій особенно подробно остановился на святости долга и присяги, данной Царю и о наградѣ, какую получили убитые и оставшіеся въ живыхъ на сей землѣ и въ небесахъ. На этомъ освященіи присутствовали иканцы, живущіе вблизи г. Уральска.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о чествованіи 25-лѣтія со времени славнаго боя падъ Иканомъ, бывшемъ въ г. Уральскѣ 5 и 6 декабря 1889 года.

Въ первый день была отслужена торжественная панихида по убитымъ, послѣ которой въ залѣ войскового театра войскамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній г. Уральска было прочитано описаніе дѣла подъ Иканомъ, а на слѣдующій день, совпадающій съ днемъ Тезоименитства Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ былъ парадъ съ отданіемъ воинской чести иканскимъ героямъ, построеннымъ впереди фронта войскъ лицомъ къ нимъ, послѣ чего войска, принимавшіе участіе въ парадѣ, прошли мимо нихъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ парада въ залѣ войскового собранія былъ данъ обѣдъ, а вечеромъ въ театрѣ для иканцевъ, учебныхъ заведеній и войскъ—спектакль.

Къ двадцатипятилѣтію иканскаго боя Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю Александровичу благоугодно было назначить награды оставшимся въ живыхъ участникамъ боя, а именно: генераль-маіору В. Р. Сѣрову—подарокъ отъ Его Высочества, отставному есаулу П. И. Мизинову—единовременно 300 руб. и казакамъ также единовременно по 50 руб. каждому.

Такимъ образомъ Иканское дѣло не забыто.

Герои Икана потомъ служили въ другихъ сотняхъ Уральского войска; такъ, въ 1870 г., въ одной сотнѣ

Цена. д.з.

Остатки иванцевъ изъ двадцатипятилѣтня боя подъ Иханомъ.

Савинъ Горинъ, Александръ Портновъ, Евстафій Синицынъ, Михаилъ Прикащниковъ, Венедиктъ Панькинъ, Харитонъ Сластинъ,
Федоръ Парфеновъ, Акимъ Черноу, Генералъ-Маіоръ Василій Родіоновичъ Стровъ, Иванъ Агафоновъ, Никандръ Скороогоатовъ,
Артемій Кочемасовъ, Никита Потаповъ, Филиппъ Шарковъ, Федоръ Кириллинъ, Василій Герасимовъ.

находилось 10 участников этого боя. Въ этой сотнѣ живо сохранились преданія объ Иканскомъ дѣлѣ и пѣсня, составленная бывшимъ командиромъ этой сотни есауломъ А. П. Хорошкинымъ (убить въ дѣлѣ съ коканцами подъ Махрамомъ 22 августа 1875 года), считалась сестенною пѣсней.

Привожу какъ эту пѣсню (Иканъ), такъ и стихотворенія уральца же Н. Ѳ. Савичева „Иканскимъ героямъ“ и „В. Р. Оѣрсеу“.

И к а н ъ.

Посвящается казачатѣ.

Въ степи широкой, подъ Иканомъ,
Насъ обружилъ вожаецъ злой,
И трое сутокъ съ басурманомъ
У насъ вѣтѣлъ кровавый бой.
Мы залегли... Свистѣли пули
И ядра рвали насъ въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули,—
Стояли мы... Мы—казаки.
И смерть носилась, мы рѣдѣли;
Геройски умирали казакъ,
Про плѣнь мы слышать не хотѣли
И какъ траву носить насъ врагъ.

Держались мы три дня, деѣ ночи,
Деѣ ночи долгиа, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи.
Затѣмъ мы ринулись впередъ...
Мы отступали; онъ за нами
Толпами тысячными шелъ,
И путь нашъ устилалъ тѣлами,
И кровь струилъ на снѣжный дождь.
Вокругъ валялись наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиравъ
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые лежали
Героя наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣнiемъ бросали
Горестыми въ лицо своимъ вратамъ...
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
Но мы не дрогнули... мы смѣло
Всѣ ждали смерти, какъ казаки.
И снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу ее вазалъ,
Чтобъ похвалиться постъ боя,
Какъ онъ съ лежащимъ воевалъ...
Но вотъ въ стѣнной дали сверкнули

Родные русскіе штыки
И всѣ отрядыѣ вздохнули,
Перекрестились казаки...
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало:—многихъ нѣтъ...
И всѣ они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И слѣдомъ этимъ наступаая,
Врагъ трупы мерзлые терзалъ...
Но наши головы собирая,
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ,
Намъ послѣ сказывали такъ,
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней
Для мира, вѣчнаго покоя
Зарыли всѣхъ богатырей...
И марь насыпали надъ ними—
Пусть вѣки-вѣчныя стоятъ,
И громко съ вѣтрами стенными
О нашей славѣ говорить.
Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,

И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой...

Инанскимъ героямъ.

Посвящаетъ В. Р. Старовъ.

Хвала вамъ, уральцы, героя Икана!
Вы славу умножили предковъ своихъ,
Давно побѣдившихъ врага басурмана
За быстрымъ Ураломъ, въ пустыняхъ степныхъ.

И сколько же мужества, нравственной силы,
Къ Престолу, къ отчизнѣ высокой лѣси
Оказано вами на краѣ могилы,
При видѣ товарищей, павшихъ въ крови!

Вашъ маленькій лагерь былъ въ полѣ обложенъ,
Какъ островъ волгами морскими кругомъ,
И путь къ отступленію былъ затороженъ
Стократно сильнѣйшимъ, сверѣльнѣмъ врагомъ.

Безъ сна и безъ пищи три дня отражали
Вы дикихъ козачествъ стрѣльбу и напоръ;
Напрасно вамъ сдались они предлагали—
Съ презрѣньемъ отвергли вы ихъ договоръ.

Предъ явною смертію вы духомъ не пали.
Начальникъ сказалъ вамъ: „умремъ или уйдемъ“.
„Умремъ все, но съ честью!“ вы дружно вскричали,
И ринулись смѣло впередъ на проломъ.

На мигъ непріятель пришелъ въ изумленье,
Геройскою дерзостью былъ пораженъ;
Но тотчасъ коканцы пришли въ изступленье,
Сплотились, стѣснили со всѣхъ васъ сторонъ.

Возможно-ль представить ужаснѣй картину!
Въ упоръ въ васъ стрѣляли и сбить не могли...
Вы кровью смочили стенную равнину,
Дорогой кровавой вереть восемь прошли.

Герои всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно,
Никто, умирая, изъ васъ не стоналъ,
И раненый, только еще не смертельно,
До раны смертельной отважно стоялъ.

Одежду всю верхнюю вы побросали—
Такъ жарко вамъ было подъ градомъ свинца;
Убитыхъ товарищей ружья ломали,
Сражаясь упорно съ врагомъ до конца...

Хвала вамъ, иканцы, и честь вамъ по праву!
Вы правы предъ долгомъ и русскимъ Царемъ,
И знамени войска доставивши славу,
Вы многое дали потомкамъ взаемъ.

В. Р. Сѣрову.

Хвала тебѣ, герой Икана,
Ты славу предковъ воскресилъ,

Твой славный подвигъ въ Туркестанѣ
Отчизну нашу удивилъ!

Съ тобою храбрыхъ сто уральцевъ
За славу родины святой
Съ десяткомъ тысячъ коканцевъ
Трехдневный выдержали бой!

Теперь въ день битвы подъ Иканомъ
Ты среди насъ въ семьѣ родной...
Позволь же чокнуться бокаломъ,
Сказавъ: хвала тебѣ герой!

Это привѣтствіе сказано было на обѣдѣ, данномъ въ г. Уральскѣ въ 1872 году В. Р. Сѣрову, по возвращеніи его изъ Туркестана въ Уральскъ.

Пройдутъ года; изустные рассказы о завоеваніи Туркестанскаго края нашими войсками, объ ихъ подвигахъ, мужествѣ, храбрости и стойкости, мало по малу изсякнутъ и станутъ достояніемъ письменныхъ повѣствованій.

Историкъ, описывая вѣковое, могучее движеніе русскаго народа на востокъ, въ глубину Средней Азіи, отмѣтитъ то быстрое расширеніе нашихъ границъ, какое сдѣлано начиная съ 1840 г. и особенно съ 1864

года. Онъ укажетъ, какъ русскія войска, утвердившись въ концѣ сороковыхъ годовъ въ низовьяхъ рѣки Сыръ-Дарьи, вскорѣ взяли Акъ-Мечеть (нынѣ фортъ Перовскій), впервые столкнувшись здѣсь со скопищемъ коканцевъ. Онъ опишетъ, какъ послѣ занятія города Туркестана, въ 1864 году, завоеванія слѣдовали одно за другимъ, какъ русскія войска торжественно вступали въ столицы Кокана и Хивы и какъ сильная когда-то Бухара была побѣждена; какъ даже считавшійся недоступнымъ Мервъ самъ просился Подъ высокую державу Бѣлаго Царя;—какъ, наконецъ, быстро границы государства отъ Аральскаго моря и низовій Сыръ-Дарьи передвинулись на тысячи верстъ къ неприступнымъ горамъ на рубежѣ Китая и Авганистана.

Въ тысячелѣтней жизни нашего Отечества немного найдется примѣровъ такихъ быстрыхъ и обширныхъ завоеваній, совершенныхъ въ столь короткій срокъ.

Но такое наступательное движеніе сопровождалось цѣлымъ рядомъ войнъ, походовъ, во время которыхъ не одинъ подвигъ мужества, отваги и самоотверженія совершилъ нашъ доблестный воинъ, истинный сынъ своего народа. Этому представителю силы и мощи нашей родины пришлось выдерживать не только борьбу съ живымъ врагомъ, но и преодолевать обширныя пустыни, выносить голодъ и жажду, созидать своими руками

укрѣпленія, строить себѣ жилища, прокладывать дороги.

Въ блестящей картинѣ нашего завоеванія Туркестанскаго края, которую нарисуетъ будущій историкъ, слово яркія, большія звѣзды будутъ блистать подвиги нашихъ войскъ: при взятіи Ташкента, Джизака, Самарканда, Хивы, Геокъ-Тене и многихъ другихъ городовъ и крѣпостей, въ бояхъ подъ Ирджаромъ, Зера-Булакомъ, Махрамомъ и въ сотнѣ другихъ славныхъ дѣлъ. Въ этой же картинѣ, и тоже какъ яркая звѣзда—будетъ блестѣть и только что описанный мною геройскій подвигъ сотни Сѣрова подъ Иканомъ.

Съ самаго своего появленія на берегахъ Урала, казаки стали на стражѣ земли русской со стороны Азіи. Уже болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, они съ Нечаемъ во главѣ, были у Аральскаго моря, воюя съ Хивою; затѣмъ, съ царскими войсками, исполняя державную волю Петра Великаго, они снова проникли въ Хиву, и здѣсь сложили свои головы, подобно ихъ отважнымъ предшественникамъ при Нечаѣ. Во всѣхъ важнѣйшихъ походахъ и войнахъ послѣдующаго времени и вообще въ завоеваніи Туркестанскаго края, уральцы были вмѣстѣ съ другими нашими войсками. Вмѣстѣ съ ними они дѣлили трудъ, терпѣли лишенія, невзгоды. Вмѣстѣ же съ ними уральцы имѣютъ право и раздѣлить славу завоеваній въ Средней Азіи.

Въ общей картинѣ завоеванія Туркестанскаго края, о которой я сказалъ выше, частичка общаго блеска принадлежитъ и уральцамъ; но геройскій подвигъ подъ Иканомъ, составляя украшеніе всей нашей арміи, добытъ кровью однихъ только уральцевъ. Въ этомъ кроется значеніе этого подвига для каждаго уральскаго казака. Въ трехсотлѣтней же боевой жизни и службѣ Престолу и Отечеству Уральскаго войска, описанный геройскій подвигъ займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и будетъ служить украшеніемъ боевой лѣтони войска.

Хвала и честь вамъ, иканскіе богатыри, честно поработавшіе на славу и величіе Отечества и родного войска!

Вотъ списокъ ихъ:

Командиръ сотни—есаулъ Василій Родіоновичъ Сѣровъ.

Сотникъ   Павелъ Абрамичевъ   убитъ.

Урядники: Панфилъ Зарщиковъ
                  Давидъ Криковъ
                  Пахомъ Мишаловъ
                  Ерофей Филипповъ
                  Александръ Желѣзновъ

убиты.

Казаки: Убиты:

Титъ Овчинниковъ
Климентій Бѣлкинъ.

Николай Мазановъ.

Антонъ Болдыревъ.

Сидоръ Ковалевъ.

Ермалай Васильевъ.

Осма Темновъ.

Никонъ Лоскутовъ.

Еддоръ Шаломниковъ.

Ананій Парсеновъ.

Макей Арчашиковъ.

Куприянъ Бадыковъ.

Гавриилъ Жидковъ.

Иванъ Сыщиковъ.

Климентій Тюнинъ.

Максимъ Сыщиковъ.

Авдій Камцевъ.

Павелъ Герасимовъ.

Захаръ Зузановъ.

Яковъ Овчинниковъ.

Андрей Романовъ.

Протофій Романовъ.

Иванъ Павловъ.

Юлій Рудометовъ.

Евсигній Дорофьевъ.

Никита Пономаревъ.

Евстафій Пономаревъ.

Осипъ Марковъ.
Ерастъ Старицковъ.
Семенъ Михѣевъ.
Ларіонъ Ларинъ.
Дорофей Портновъ.
Асанасій Землянушковъ.
Варсоломей Кановаловъ.
Тарасъ Парфеновъ.
Иванъ Аронсовъ.
Дмитрій Кирѣевъ.
Осипъ Болдыревъ.
Иванъ Петровъ.
Семенъ Волковъ.
Григорій Волковъ.
Григорій Божедомовъ.
Самойлъ Мазановъ.
Иванъ Павловъ.
Евѣмпій Гордѣевъ.
Иванъ Рыбинъ.
Иванъ Тяпухинъ.
Иванъ Фодимовъ.
Евиль Болдыревъ.
Александръ Туминъ.

Умерли отъ ранъ послѣ дѣла:

Насыръ Фаткуллинъ.

Платонъ Добрынинъ.

Иванъ Коптѣловъ.

Савелій Ярочкинъ.

Елистратъ Корчагинъ.

Григорій Азовсковъ.

Михаилъ Вахинъ.

Сидоръ Максимъ.

Терентій Толкачевъ.

Ермолай Чесноковъ.

Алексѣй Догинъ.

Остались въ живыхъ:

Андрей Борисовъ.

Акимъ Черновъ.

Павелъ Мизинъ.

Матвѣй Мостовщиковъ.

Евстафій Силицынъ.

Филиппъ Кайманшизовъ.

Зиновій Скачковъ.

Евграфъ Агафоновъ.

Михаилъ Бакировъ.

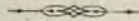
Филиппъ Шарковъ.

Понкрать Скоробогатовъ.

Евстифій Соболевъ.
Викулъ Хаминъ.
Гавріиль Подлипалинъ.
Алексѣй Чировъ.
Федоръ Парфеновъ.
Михаиль Прикащиковъ.
Василій Герасимовъ.
Федоръ Кирилинъ.
Иванъ Агаоновъ.
Венедиктъ Панькинъ.
Никита Потаповъ.
Ананій Зѣвакинъ.
Евстигней Ворожейкинъ.
Федулъ Мирошхинъ.
Александръ Портновъ.
Василій Казанцевъ.
Иванъ Кокоревъ.
Емельянъ Голубовъ.
Савинъ Горинъ.
Харитонъ Сластинъ.
Артемій Кочемасовъ.
Василій Парфеновъ.
Шаргай Токмаевъ.
Василій Рязановъ.
Кузьма Бизяновъ.

Алексѣй Орловъ.

Артиллеристы Грѣховъ	}	ранены.
Огнѣсовъ		
. . . . .		
. . . . .		
Фельдшеръ Винднеръ		убить.
Фурштатъ Барбаниковъ		убить.
Почтарь Кара-киргизъ		Ахметъ.

Сочиненія и статьи объ Иканскомъ боѣ.

1. Извѣстія съ востока. Геройскій подвигъ Уральскихъ казаковъ (Воен. Сб. 1865 г. № 3).
2. Дѣло уральцевъ подѣ Туркестаномъ въ Ноябрь 1864 г. К... (Воен. Сб. 1865 г. № 5).
3. Изъ дорожныхъ замѣтокъ: I. Туркестанъ, II. Иканъ. А. Х. (Ур. В. В. 1867 г. № 11).
4. Письмо изъ Ташкента. А. Хорошхина (Ур. В. В. 1867 г. № 27).
5. Извѣстія изъ Туркестанской области (стычка Уральскихъ казаковъ съ шайкою Садыка) (Ур. В. В. 1867 г. № 41).
6. Иканъ. Быль 1864 г. Посвящ. казачатамъ („Въ степи широкой подѣ Иканомъ“, стих. А. Хорошхина, помѣщено въ книжкѣ „Уральскіе казаки“, его же 1866 г.).
7. Дѣло подѣ Иканомъ. Юр.-Ко.—(Ур. В. В. 1872 г. №№ 11, 12, 13).

8. Краткая замѣтка о дѣйствіяхъ противъ коканцевъ отряда подѣ командою начальника Сыръ-Дарьинской линіи въ 1864 г. (Ур. В. В. 1876 г. № 46).
9. Разсказъ казака про иканскую битву (Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ. Львовича. Съ 2 картинами. кн. II. изд. „Досугъ и Дѣло“. СПб. 1876 г.).
10. Замѣтка по поводу 25-лѣтняго юбилея иканскаго боя. И. Алексѣевъ (Ур. В. В. 1889 г. № 47).
11. Приказъ по Уральскому казачьему войску № 687 (Ур. В. В. 1889 г. № 49).
12. Двадцатипятилѣтіе Иканскаго боя И. Х. (Ур. В. В. 1889 г. № 49).
13. Какъ было дѣло подѣ Иканомъ. Сообщ. П. Чу—въ. (Ур. В. В. 1889 г. № 50).
14. По поводу 25-лѣтія Иканскаго дѣла. Ник... (Ур. В. В. 1890 г. № 1).
15. Двадцать пятая годовщина Иканскаго боя. Съ 2 рисунками: группа казаковъ и памятникъ. И. Х. (Нива 1890 г. № 24).
16. Отзывъ о книжкѣ „Геройскій подвигъ уральцевъ. Дѣло подѣ Иканомъ. М. Хорошхина, II изд. 1889 г., К. Абаза. (Развѣдчикъ 1890 г. № 22).
17. В. Р. Сѣровъ. Біографія съ портретомъ. (Развѣдчикъ 1891 г. № 51).

18. Бой подъ Иганомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 г.
съ рис. памятника Я. З. (Развѣдч. 1891 г. № 51).
  19. Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографич. очерки
Султана Ахмета Кенисарина. Обработано для пе-
чати и снабжено примѣчаніями Е. Т. Смирновымъ.
Изд. Сыръ-Дарьинскаго обл. стат. комитета. Стр.
41—44 и приложенія № 9, стр. 30—44. Таш-
кентъ 1889 г.
  20. Трехдневный бой подъ Иганомъ. (Казакъ: Донцы,
Уральцы, Кубанцы, Терцы. Составилъ К. К. Абаза.
СПБ. 1890 г. стр. 201—210 съ рисунками).
  21. Еще одна народная школа „Иганская“ (Ур. В. В.
1891 г. № 37).
  22. По поводу освященія образа Святителя Николая
въ память Иганскаго боя. И. Х. (Ур. В. В.
1893 г. № 33).
  23. Иганскій бой 4, 5 и 6 декабря 1864 года.
Разсказъ о геройскомъ подвигѣ Уральской сотни.
Сост. М. Хорошихинъ. СПБ. 1884 г. (I изданіе
настоящей книжки).
  24. Русскій Инвалидъ 1866 года № 63 (11 марта).
-

Дѣло подѣ Иканомъ *).

(Пѣсенка).

(Сост. Л. С. Алексѣевъ).

Въ Туркестанѣ мы засѣли,

Изъ-за стѣнъ его глядѣли—

Нѣтъ-ли гдѣ чего?

На дворѣ зима стояла,

Декабря было начало—

Былъ свѣжій морозъ.

Дали знать сюда иканцы,

Что идутъ войска боканцевъ,

Просто-счету нѣтъ!

Вдругъ приказано Сѣрову,

Засѣдлатъ коней готовыхъ,

На рысяхъ идти.

Казаки его лхѣ

Взяли ружья нарѣзныя, **)

Живо собрались.

---

*) Изъ «Урал. В. Вѣд.» см. № 47—1889 г.

**) Это первые казаки, которые нѣсли нарѣзныя ружья.

Дали имъ одну пушчонку,
Запрягли къ ней лошаденокъ,

Скоро понеслись...

Вечерѣло ужъ, смеркалось
И ночь темная спускалась—

Казаки летятъ...

Подбѣгали близъ къ Икану
И вдали, какъ будто въ станѣ,

Мелькнули огни.

Чтобы лучше все узнать,
Было сказано—послать

Вожака впередъ.

Но лишь только онъ отбѣхалъ,
Какъ разъѣздъ коканскій встрѣтилъ

И—скорѣй назадъ.

Сотня наша отступала,
А коканцы окружали—

Правда, счету нѣтъ.

И кому считать охота?

Казаки стали пѣхотой,

Сбатовавъ коней.

Казаки наши не трусы,

Подкрутили себѣ усы

И всѣ на чеку.

А со всѣхъ сторонъ коканцы,

Близко лѣзутъ ужъ, поганцы,

Кинулись — отпоръ.

Закатили въ нихъ картечью,

Посшибали бабки съ плечей,

На поддачу пуль.

Закричали, заревѣли,

И въ другой разъ налетѣли,

Да скусили грибъ.

Видятъ — жутко, салмофды,

А хотѣлося побѣды,

Но не удалось.

Отступили, отвалили,

Три орудья притащили

И давай качать.

Сильно ядра землю рвали,

Никого не задѣвали.

Только лошадей.

Расторопный сынъ Урала

Ужъ подѣлалъ и завалы

Себѣ изъ мѣшковъ.

И сидитъ, мѣтко стрѣляетъ,

Съ толкомъ пули посылаетъ.

Ядро за ядромъ.

Жаль-колеса единорога

Поразсыпались немного,

И то не бѣда:
Изъ подъ-ящика съ снарядомъ
Живо сняли и два рядомъ
Поддѣли, связавъ.
Хоть колеса не вращались,
За то наши не терлись:—
На спинахъ таскомъ.

Утромъ пятого молчали,
Зря зарядовъ не теряли
И все берегли.
Лишь коканцы не зѣвали,
Все стрѣляли, да стрѣляли---
Въ поле, дураки!
Время къ вечеру клонилось,
А вдали пальба открылась—
Выручка то шла.
Встрепенулись, казачины,
И хотѣли, молодчины,
Къ пушкамъ на ура,—
Но вдали пальба вдругъ рѣже
И пропала вся надежда—
Знать тому ужъ быть...
А пока такъ разсуждали,

Вдругъ конаша увидали

Съ запиской въ рукѣ.

Пинетъ нашимъ Алимкулъ,

Десять, вашихъ я отдамъ

И прогналъ назадъ.

Лучше, сдѣйтесь, ребята,

Будетъ чисто, будетъ снито,

Не обижу васъ.

Вѣру въ мою примите

И скорѣй ко мнѣ идите,

А то горе вамъ!

Но въ отрядъ не пугались,

Только думали, старались —

Регента свалить.

Алимкулъ не свалили,

А коня, таки, подбили —

Славный конь такой!

Видать — плохо, не поддались,

Саломѣды дстадались —

Стали лѣсъ свозить.

И камышъ пошелъ тутъ въ дѣло,

Вдругъ работа закинула —

Стали плестъ туры. —

Чтобъ идти потомъ пудкатомъ:

„Подойдемъ поближе, хватимъ,

Намъ-де ничего!“
Тутъ Офровъ сказалъ отряду,
Что получить тотъ награду.
Кто дастъ знать своимъ:
Скорѣй выручку-бъ прислали
И зря сотни не теряли,—
Такихъ молодцовъ!
Два охотника явились,
Въ праву сторону пустились,
Съ ними былъ Ахметъ. (*)
Поскакали, удалые,
А коканцы сторожевые
Кинулись на нихъ.
Наши живо повернулись,
(Жаль, что скоро такъ наткнулись),
Дали знать въ отрядъ.
Но въ отрядѣ не дремали,
Тутъ же снова ихъ послали
Лѣвой стороной.
(Сами-жъ послѣ выползали,
Что-де нашихъ не поймали-ль—
Но нѣтъ, ничего!).

(*) Вызвались казаки: А. Борисовъ и А. Черновъ и Ахметъ, кяргизъ — вожакъ. *Примѣч. автора.*

А пальба не прекращалась,

И гранаты выпускались,

Да все въ лошадей.

Перебили ужъ не мало,

А казаченьки въ завалы

Подбирали ихъ.

Пули сыпалися градомъ

На позицію отряда,

Но Богъ все хранилъ.

Наступилъ день Николая—

Наша сотня удалая

Вела переговоры.

Между тѣмъ, себѣ смѣкали,

Тамъ-де выручку послали—

Скоро ужъ придетъ.

„Дай-ка время поубавимъ

И балясовъ имъ подбавимъ,

Можетъ, проведемъ!“

Но коканцы догадались,

Да и тотчасъ постарались—

Мантелеты въ ходъ.

Подкатили ихъ къ отряду—

Толкачевъ—казакъ зарядомъ

Въ пухъ разбилъ одинъ.

Самъ навелъ онъ однорога

И картечью, видно, много

Повалилъ сарбазъ.

Тутъ, съ другихъ сторонъ отряда,

Подошла ужъ вплоть громада

И—пошла писать.

Страшно пули засвистѣли

И какъ наши не хотѣли—

Держаться нельзя!

Въ пушку ершика послали,

Мѣшкать по-пусту не стали—

Кинулись впередъ.

Полетѣло много на мѣстѣ,

Остальные славно—вмѣстѣ

Стали отступать.

А коканцы налетали,

И стрѣляли, и кричали—

Думали собьютъ.

Много хватовъ ихъ, джигитовъ,

На скаку видали пики,

Свои кистени.

Казакъ все подбѣрали

И назадъ потемъ брѣсали,

Или—пулю въ лобъ!

И такъ всемъ вереть герои

Возвращались лихо съ бою

Подъ вражьи́мъ огнемъ.
Да, немало тѣхъ героевъ
Поотстало въ чистомъ полѣ
Отъ коканскихъ пуль.
Ихъ рубили, ихъ терзали,
Но и сами память дали
За павшихъ друзей.
Не забудутъ салмо́нды,
Что имъ стоила побѣда
Такихъ молодцовъ.
Да и тѣ, которы пали,
Горсти снѣга все кидали
Нехристямъ въ глаза.
Многи, падая, вставали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели.
И у всѣхъ, что умирали,
Тутъ же ружья стбирали,
Ломили въ куски.
Храбро бились, умирали,
Хоть и много потеряли,
А Царь наградилъ!
Слава вамъ, сыны Урала,
Вѣдь немного и бывало
Такихъ славныхъ дѣлъ!....
